

St. Petersburg State University
Fedorov Institute
for Translation and Interpretation

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт письменного и устного перевода
им. А. В. Федорова

**CURRENT PROBLEMS
OF TRANSLATION STUDIES**

Investigations
in Homage to Professor Victor I. Shadrin
on his 60th Anniversary

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ**

Сборник статей
в честь шестидесятилетия
профессора В. И. Шадрина

St. Petersburg State University
Faculty of Philology
St. Petersburg
2011

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2011

нового поколения вновь предписывают обучать переводу в рамках направления «лингвистика», отказывая переводческой деятельности в статусе самостоятельной профессиональной отрасли, а науке о переводе — в статусе особой научной дисциплины.

В основе такого подхода к переводческой деятельности лежит все то же заблуждение об исключительно лингвистической природе перевода.

Но даже А. В. Федоров — апологет «лингвистического разреза» в теории перевода — еще в 50-е годы XX века, когда было необходимо отстоять только зарождающуюся лингвистическую парадигму в науке о переводе, признавал, что «вопросы перевода могут рассматриваться с различных точек зрения»¹.

Представляется, что формирование когнитивной парадигмы в науке о переводе ознаменовало собой переход к третьей, финальной, стадии теоретизации в научном знании о переводе. На смену отдельным теоретическим конструктам, моделям перевода, благодаря междисциплинарному подходу может прийти стройная научно обоснованная теория этой деятельности, построенная на прочной философской основе и учитывающая, помимо лингвистических, социальные, психологические, информационные и многие другие аспекты.

Григорьева Любовь Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

Термин интертекстуальность был впервые предложен Ю. Кристевой в конце 1960-х годов. В русле постструктурализма она занималась изучением закономерностей функционирования текстового пространства, понимаемого ею не только как вербальный, но и как общесемиотический текст². Несмотря на свою относительную моло-

¹ Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М. 1953. С. 12.

² Kristeva J. Bachtin, das Wort, der Dialog und der Roman // Texte zur Literaturtheorie der Gegenwart. Stuttgart, 1996. S. 334–348.

дость, интертекстуальность имеет уже богатую историю изучения. Истоки данной теории были заложены в 30-е годы XX в. М. М. Бахтиным³ в виде его концепции диалогичности, в рамках которой впервые были исследованы отношения между различными текстами и указано на связь любого появляющегося нового текста с предшествующими ему. М. М. Бахтин понимал данное явление предельно широко, говоря о диалоге культур, в который друг с другом постоянно вступают представители самых разных видов искусств. Ю. Кристева же предложила понимать под интертекстуальностью разные типы межтекстового взаимодействия.

Эксплицитное межтекстовое взаимодействие проявляется непосредственно во включении в один текст фрагментов из другого или других текстов. Эти включения получили в лингвистике такие наименования как интертекст, текст в тексте, интертекстуальные включения. В современной лингвистике в таком случае говорят об узком значении этого термина⁴.

Наиболее активное изучение данного явления началось с 1980–90-х гг. Большой вклад в дальнейшее толкование, классификацию и терминологизацию интертекстуальности внесли, в первую очередь, представители немецкой и французской лингвистических школ, такие как Ж. Женнет, Р. Лахманн, К. Штирле, У. Бройх, М. Пфистер, Й. Хельбиг, С. Холтуис, В. Хайнеманн, Р.-А. Богранд, В. У. Дресслер и др.⁵ Именно в их работах была разработана классическая классификация интертекстуальности, была предложена модель анализа интертекстуальности и теория интертекстуальной маркировки.

³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

⁴ Арнольд И. В. Интертекстуальность – поэтика чужого слова // Семантика, стилистика, интертекстуальность. СПб., 1999. С. 350–362.

⁵ Broich U. Formen der Markierung von Intertextualität // Intertextualität: Fortmen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen, 1985. S. 31–47; Genette G. Palimpseste: die Literatur auf zweiter Stufe. Frankfurt a. M., 1993; Beaugrande R.-A. de, Dressler W. U. Einführung in de Textlinguistik. Tübingen, 1981; Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik: Interaktion — Text — Diskurs. Tübingen, 2002; Helbig J. Intertextualität und Markierung. Untersuchungen zur Systematik und Funktion der Signalisierung von Intertextualität. Heidelberg, 1996; Holthius S. Intertextualität. Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption. Tübingen, 1993; Lachmann R. Ebenen des Intertextualitätsbegriffs // Das Gespräch. München, 1984; Pfister M. Konzepte der Intertextualität // Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen, 1985. S. 52–58; Stierle K. Werk und Intertextualität // Das Gespräch, München, 1984, S. 139–150.

Впервые интертекстуальность стала рассматриваться не только как текстовая, но и как текстопорождающая категория.

Смена научной парадигмы в конце XX — начале XXI веков обусловила междисциплинарный подход к изучению языковых явлений, в том числе и к интертекстуальности, что позволило осознать комплексный характер последней. Расширение трактовки интертекстуальности сделало возможным, с одной стороны, объединить узкое и широкое понимание данного понятия, а с другой — рассмотреть как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

В этой связи особый интерес вызывает взаимодействие интертекстуальности с проблемами как теории, так и практики перевода. Особый интерес для изучения данных вопросов представляют теории У. Бройха и М. Пфистера, а также концепция маркировки интертекстуальности Й. Хельбига. Последняя, в частности, дает возможность проанализировать взаимодействие различных видов интертекстуальности со способами и методами, используемыми в процессе перевода, что и является непосредственным объектом рассмотрения в данной статье.

Так, классификация Й. Хельбига¹ представляет собой шкалу прогрессирующей интенсивности маркировки интертекстуальности, то есть она основана на принципе сканирования, в соответствии с которым Й. Хельбиг выделяет абсолютную, полную, неполную и нулевую ступени интенсивности интертекстуальной маркировки. Под нулевой или нейтральной ступенью понимается полное отсутствие интертекстуальной маркировки. Неполная ступень отличается определенной количественной характеристикой и позиционной эмфазой. Полная ступень подразумевает имплицитно-эксплицитную маркировку, имеющую количественный и позиционный характер и характеризующуюся интеграцией ссылки в текст без изменения ее первоначального вида, но с нарушением структурной изотопии текста. Абсолютная ступень представлена эксплицитной маркировкой интертекстуальности, носящей качественный характер и содержащей указание на наличие в тексте интертекстуальной ссылки. При этом абсолютной ступени соответствует наивысшая степень интенсивности интертекстуальной маркировки.

Выделенные Й. Хельбигом ступени интертекстуальной маркировки, как правило, по-разному характеризуют различные типы и жанры

¹ Helbig J. Op. cit.

текстов. На основании этого представляется возможным установить определенную взаимосвязь между классификацией интертекстуальной маркировки, типологией текстов и способами перевода. Предварительные наблюдения над текстами разной функциональной принадлежности и их способами перевода с учетом разных ступеней маркировки интертекстуальности (абсолютной, полной, неполной и нулевой) позволили сделать следующие обобщения.

На абсолютной ступени Й. Хельбиг выделяет в качестве характерных приемов тематизацию и номинацию. Прием тематизации основан на принципе описательной характеристики либо самого претекста, либо процесса его производства или восприятия путем эксплицитного указания на наличие в анализируемом тексте интертекстуальной ссылки (например, при помощи глаголов с функцией привлечения внимания к воспроизведению какого-либо источника). Под приемом номинации понимается непосредственное обозначение претекста, то есть его прямая номинация, которую Й. Хельбиг считает кульминационным моментом интертекстуальной маркировки, поскольку возможность не опознать интертекстуальность сводится в этом случае практически к нулю. К этому приему Й. Хельбиг причисляет также косвенную номинацию претекста, осуществляемую посредством указания на автора, дату, место издания претекста, реже на его принадлежность к какому-либо литературному жанру или на его содержание. Что касается приемов тематизации и косвенной номинации, то степень их интенсивности во многом зависит от интертекстуальной компетенции читателя, то есть от его способности на основе этих приемов распознать интертекстуальный потенциал текста.

Данная ступень интертекстуальной маркировки типична в первую очередь для научных типов текста. Так, прием тематизации реализуется в них с помощью глаголов со значением побуждения во втором лице единственного числа или в вежливой форме императива, типа *siehe, vergleiche, vergleichen Sie* (включая аббревиатуру *vgl.*). Реже в этой функции используется предложная субстантивная группа *zum Vergleich*. В современной научной литературе чаще всего используется вышеуказанная аббревиатура с разного рода уточнителями и распространителями, типа *etwa, auch, u. a.* и т. п. Функция этого приема заключается в том, чтобы призвать читателя сравнить представленное в тексте мнение с аналогичными точками зрения в претекстах или чтобы показать ему, в каких претекстах он может получить дополнительную информацию по данному вопросу.

Прием номинации на абсолютной ступени интертекстуальной маркировки может быть представлен приемами прямой и косвенной номинации претекста. Под прямой номинацией понимается обозначение интертекстуального источника по его названию, под косвенной — указание на автора претекста. В научном тексте часто имеет место смешанная форма номинации, в которой присутствует и указание на автора, и на название претекста, что обусловлено жанровой спецификой данного функционального стиля. Часто после первой прямой номинации претекста используется его субститут *ebenda*. Типичная первичная интертекстуальная маркировка на ее абсолютной ступени в научном тексте выглядит так:

Vgl. Assmann, Jan (1992): Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München. S. 139. (Sprache und neue Medien. S. 20).

Помимо отмеченных особенностей обязательным условием интертекстуальных маркировок в научных типах текста является наличие номера страниц претекста.

Иногда подобного рода ссылки сопровождаются авторскими оценочными комментариями. Например:

Der Ausdruck Sicht ist hier eher unterterminologisch verwendet. Eine umfangliche und systematische Theoriediskussion zum Perspektivebegriff findet sich in Arbeiten von C.F. Graumann und Mitarbeitern; vgl. z.B. Graumann (1989). (Modalität im Deutschen. S. 50).

Таким образом, интертекстуальная маркировка такого рода в научных текстах относится к абсолютной ступени и носит ярко выраженный эксплицитный характер. Как правило, она выносится за рамки основного текста и помещается в ссылки. Перевод такого вида интертекстуальных вставок не представляет особых сложностей для переводчика за исключением тех случаев, когда речь идет о цитатах из уже переведенных произведений. Поскольку цитата должна представлять собой дословное включение фрагмента ранее опубликованного текста, то в задачу переводчика входит его поиск соответствующего перевода и цитация соответствующего фрагмента по переводу с указанием его полных исходных данных.

Данная ступень интертекстуальной маркировки менее характерна для других функциональных стилей, хотя ее появление в них не исключено.

Под полной ступенью интертекстуальной маркировки Й. Хельбиг понимает имплицитно-эксплицитный тип маркировки, имеющий количественный и позиционный характер. Эта ступень может быть представлена следующими приемами: использование ономастики, смена графического кода. В качестве ономастической лексики выступают имена собственные (антропонимы и топонимы) или производные от них, а под сменой графического кода имеется в виду использование разнообразных знаков препинания, шрифтов, ссылок, отступов и пр. Интертекстуальная маркировка такого типа присуща, в том числе, и рассмотренным выше научным текстам. Например:

Hartmut Böhme und Klaus Scherpe haben bei ihrem Versuch, den Ort einer kulturwissenschaftlich gewendeten Literaturwissenschaft neu zu bestimmen, ihrer Disziplin die Vergeblichkeit des Unternehmens vor Augen geführt, angesichts grundlegender medialer Wandlungsprozesse in der kulturellen Semantik von Gesellschaften ausschließlich an den traditionellen Medien der Gutenberg-Galaxis als Erkenntnisgegenständen festzuhalten: "Im historischen Rückblick differenzieren..." (Sprache und neue Medien. S. 10–11).

Der ungarische Filmkritiker Bela Balazs berichtet in seinem großen Essay "Der Film" von 1949 über die chinesische Legende eines alten Malers. Diese Legende geht folgendermaßen: "Einst lebte ein alter Maler, der..." (Sprache und neue Medien. S. 57).

В вышеприведенных примерах присутствуют и личные имена собственные, и названия претекстов, и косвенные указания на топонимы, и пунктуационные знаки, вводящие цитаты из соответствующих претекстов. Но такого рода маркировка встречается не только в научных, но и в газетно-публицистических текстах. Ср.:

Senator Hassemer hatte eine Version vom "neuen" Luisenstädtischen Kanal entworfen, bei dessen Rekonstruktion die Ideen Lennes und des Gartenbaudirektors Erwin Barth (Krosigk: "der Lenne des 20. Jahrhunderts") zwischen Waldemar- und Schillingbrücke weitergeführt werden sollten. (Berliner Zeitung. S. 16).

Однако интертекстуальные ссылки в газетно-журнальных текстах маркируются не только антропонимами и пунктуационными знаками, но и грамматическими формами (о которых, например, Й. Хельбиг не упоминает), в частности конъюнктивом, часто используемым в данном функциональном стиле для передачи косвенной речи. Ср.:

In der Kultur sei Tradition nicht mehr recht lebendig, hat der Komponist Dieter Schnebel im Jahr 1982 gesagt: früher sei Tradition als Prozess des Weitergebens ständig gegenwärtig gewesen. (Berliner Zeitung S. 16).

Помимо научного и газетно-публицистического стилей данная ступень интертекстуальной маркировки может встретиться и в текстах другой функциональной принадлежности, но является для них менее типичной. В процессе перевода эта ступень может потребовать от переводчика больших усилий на предпереводческом этапе анализа текста, а также внимания к несоответствиям языковых единиц между оригиналом и текстом перевода при передаче сходного содержания, как, например, в вышеприведенном примере, содержащем косвенную речь, где грамматические формы морфологического уровня (сослагательное наклонение) необходимо заменить на синтаксические (изъяснительное придаточное предложение).

В основу **неполной ступени интертекстуальной маркировки** Й. Хельбиг кладет принцип количественного объема и принцип позиционной эмфазы, которые реализуются через приемы контаминации, частотности, сложения, повтора и пропорции. Под принципом количественного объема понимается количество интертекстуальных ссылок в тексте, которое подвергается подсчетам и анализу. При этом Й. Хельбиг обнаруживает определенные закономерности: чем меньше интертекстуальных ссылок в тексте, тем выше степень интертекстуальной маркировки, а чем больше интертекстуальных ссылок, тем выше степень интенсивности интертекстуальной маркировки.

Эти тенденции, выделенные Й. Хельбигом, свойственны скорее литературным текстам, в то время как тексты других функциональных стилей подчиняются иным правилам. Так, научные тексты обладают и высокой степенью интенсивности, и высокой степенью маркировки интертекстуальных ссылок. Что касается текстов СМИ, то там эти закономерности проявляются в зависимости от конкретного жанра. Так, в редакционных статьях при передаче чужого мнения степень интенсивности и маркировки интертекстуальных ссылок выше, чем в новостных сообщениях или фельетонах на темы культуры.

На принципе количественного объема основываются следующие приемы интертекстуальной маркировки: частотность, контаминация, повтор, сложение. Частотность представляет собой соотношение количества ссылок с количеством претекстов. Прием контаминации

позволяет объединить единичные ссылки на различные претексты. Прием повтора заключается в неоднократных ссылках на какой-либо один претекст при использовании одной и той же интертекстуальной референции, а прием сложения — неоднократные ссылки на один и тот же претекст при использовании разных интертекстуальных референций.

Принцип позиционной эмфазы заключается в зависимости интенсивности интертекстуальных ссылок от их местоположения в тексте. Основным приемом здесь выступает прием анализа позиции интертекстуальной маркировки в тексте. Наибольшей интенсивностью обладают интертекстуальные ссылки, расположенные в так называемых сильных позициях текста: в заголовке, зачине, концовке, паратексте (эпиграфы, посвящения, предисловия, названия глав и т. п.). Наименьшей интенсивностью обладают интертекстуальные ссылки в регулярных позициях, то есть в корпусе основного текста.

Принцип количественного объема имеет скорее теоретическую значимость, хотя, как продемонстрировали предварительные наблюдения, он может иметь тексторазличительную значимость. Принцип же позиционной эмфазы играет определенную роль и в процессе перевода. Здесь речь идет в первую очередь об интертекстуальности сильных позиций текста, а именно, заголовков. Данный прием интертекстуальной маркировки особенно актуален для текстов СМИ, в которых он используется в виде аллюзий. Ср. несколько примеров:

Angela Merkel — Die Politikerin, die aus der Kälte kam (<http://www.g8iq.com/tag/...-e1459-download-e12/>)

Der gute Mensch aus Pulheim (<http://www.kst.de/html/artikel/1116312011158.shtml>)

Written On The Wind: Gruppenbild mit RWF (<http://www.fdk-berlin.de/arsenal/programmtext-anzeige/archive/2007/04/article/869/212.html?cHash-00c343f2da>)

Данные заголовки построены на следующих аллюзиях. В первом примере речь идет о канцлере Германии Ангеле Меркель, где заголовок представляет собой модифицированное название романа Дж. Ле Карре, звучащего в немецком переводе как "*Der Spion, der aus der Kälte kam*". Во втором примере для создания заголовка журналист позаимствовал название пьесы Б. Брехта "*Der gute Mensch von Sezuan*", а в третьем — романа Г. Белля "*Gruppenbild mit der*

Dame». Кстати, в статье из последнего примера рассказывается о знаменитом немецком актере и режиссере В. Фассбиндере, аббревиатура имени которого также вынесена в заголовок: *RWF (Rainer Werner Fassbinder)*.

В заголовках художественных произведений немецкой литературы аллюзии также встречаются, хотя не так часто как в газетно-журнальных статьях. В качестве подобных примеров из наиболее известных можно привести названия романов Т. Манна «Волшебная гора» (*Zauberberg*) и Г. Манна «Кисельные берега» (*Im Schlaraffenland*). Аллюзивность романа старшего из братьев более прозрачна: средний реципиент вполне может соединить его с соответствующей сказкой братьев Гримм или со стихотворением знаменитого немецкого мейстерзингера, героя оперы Р. Вагнера, Г. Закса. Более искушенный читатель может вспомнить о фигуре Себастьяна Бранта, написавшего в 1494 году роман под таким же названием, или даже об античных греческих поэтах, использовавших тот же мотив. Аллюзивность романа Т. Манна, хотя и менее очевидна на первый взгляд, но также может быть расшифрована при более тщательном анализе. Как известно, название этого произведения ассоциируется с немецкой легендой о крысолове из Гамельна, исчезнувшем вместе с детьми в волшебной горе. Этот же мотив появляется в повести знаменитого немецкого лирика Эйхендорфа «*Marmorbild*», не говоря уже о Фаусте Гете, где в сцене Вальпургиевой ночи есть строка: «*Der Berg ist heute zaubertoll*».

Сам И. В. Гете тоже часто становится объектом интертекстуальности во многих произведениях немецкой литературы. Ср., например, примеры у Е. А. Гончаровой и И. П. Шишкиной из романов Т. Фонтане, М. Фриша, У. Пленцдорфа¹, где широко используются ссылки на произведения И. В. Гете, пронизывающие всю ткань повествования на разных уровнях: содержательном, композиционном, при характеристике персонажей, прежде всего, речевой.

Перевод подобного рода интертекстуальных ссылок достаточно сложен, так как ему должен предшествовать предварительный кропотливый анализ, который предполагает также хорошую эрудицию переводчика. В этом случае высокая степень имплицитности, свойственная аллюзиям, повышает порог ее восприятия реципиентом и соответственно затрудняет работу переводчика, что может при-

¹ Гончарова Е. А., Шишкина И. П. Интерпретация текста. М., 2005.

вести к игнорированию интертекстуальной ссылки и соответственно к ошибке в переводе.

Некоторое исключение здесь составляют аллюзии из прецедентных текстов и так называемые прецедентные имена². Они тоже требуют известного уровня компетенции переводчика, но поскольку они входят в фонд пресуппозиций общечеловеческих знаний, то являются более узнаваемыми. Такого рода интертексты более характерны для СМИ, которые апеллируют к сознанию массового усредненного реципиента. Одним из прецедентных текстов в немецкоязычном языковом пространстве, да и не только в немецком, является, безусловно, как сама трагедия И. В. Гете «Фауст» (см. подробнее об этом у И. П. Шишкиной³), так и ее главный персонаж доктор Фауст. Для немецкоязычного пространства Швейцарии такой прецедентной фигурой выступает Вильгельм Телль.

В немецких СМИ произведения И. В. Гете тоже нередко служат источником прецедентности. Ср.:

Während Otto Hahn sich sorgte ("Wenn der Hitler durch meine Arbeit eine Uranbombe bekommt, bringe ich mich um"), tat sich Weizsäcker als Zauberlehrling und Werbetrommler eines radioaktiven Superknalls hervor: Im Sommer 1940 unterrichtete er das Heereswaffenamt über die Möglichkeit einer Plutoniumbombe; er erstellte Geheimberichte zum Atomprogramm der USA und verfasste sechs Patentschriften zu Sprengkörpern und Kernmeilen. [Der Zauberlehrling. Spiegel, 11/2010]

В статье, рассказывающей о жизни известного немецкого физика, ставшего позже также философом и политическим деятелем, К. Ф. фон Вайцзеккера, главный герой сравнивается с персонажем баллады И. В. Гете «Ученик чародея». У И. В. Гете ученик мага, воспользовавшись отсутствием учителя, оживляет метлу и заставляет ее носить воду, а потом не может заставить ее остановиться. Иносказательно «учеником чародея» называют специалиста-недоучку, который, начав некий процесс, не в силах далее справиться с ним, направить к желанной цели. К. Ф. фон Вайцзеккер в 40-е годы XX века с восторгом принимается за изучение ядерной энергии, а в первые годы после Второй мировой войны вместе с другими учеными работает

² Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003.

³ Шишкина И. П. Трагедия И. В. Гете «Фауст» как прецедентный текст (к проблеме интертекстуальности и интердискурсивности) // Русская германистика. Типология текстов нового времени. М., 2009. Т. 5. С. 316–324.

над созданием ядерного оружия для Германии. К. Ф. фон Вайцзеккер не осознавал всей опасности, которую представляло бы собой ядерное оружие, попади оно в руки Гитлера. Однако уже в 50-е годы ученый пересмотрел свое отношение к ядерному вооружению. В 1956 году К. Ф. фон Вайцзеккер, обеспокоенный проблемой ядерного вооружения, вместе с другими немецкими учеными-ядерщиками выступил с так называемым «Геттингенским заявлением» об отказе участвовать в изготовлении, испытании или применении ядерного оружия. С тех пор проблема политической ответственности ученого за общественные последствия своих открытий становится одной из главных тем его размышлений. В статье этот коренной поворот также описывается при помощи уже другого прецедентного феномена:

Schon in den fünfziger Jahren hatte sich dieser radikale Wandel vom Saulus zum Paulus abgezeichnet. [Der Zauberlehrling. Spiegel, 11/2010]

В этом случае источником прецедентной ситуации служит Новый Завет. В Деяниях повествуется об обращении в христианство язычника Савла, который после крещения принял имя Павел и стал ревностным проповедником Евангелия. Так и К. Ф. фон Вайцзеккер превратился в «радикального пацифиста» (*“radikaler Pazifist”*) и стал выступать против войны и за использование солнечной энергии.

И вообще использование прецедентных имен в медийном тексте заслуживает, конечно, специального рассмотрения. Номинация с использованием прецедентного имени является очень емкой в семантическом плане, отсылая читателя к первичному тексту или ситуации и способствуя достижению основных целей медийного текста: привлечению внимания и воздействию на общественное мнение.

В качестве источников прецедентных феноменов помимо литературы выступают также имена из сферы политики, кино и телевидения, спорта, реже — из сферы духовной жизни.

Часто авторы обращаются в поисках источника прецедентности к популярным политикам. Например, в заголовке статьи *“Der Unterwasser-Obama”* [Der Unterwasser-Obama. Spiegel, 44/2009] используется фамилия президента Соединенных Штатов Америки. Такой заголовок сразу привлекает внимание, тем более что понять его без знания контекста практически невозможно. Далее в тексте статьи это применение фамилии Обама оправдывается сравнением с ним героя, президента Мальдив М. Нашида, человека внешне неприметного, но образованного, умеющего хорошо говорить (в тексте пред-

полагается, что он часто слушал речи Б. Обамы), равнодушного к судьбе своей страны и пользующегося популярностью среди населения. В данном примере мы видим квазиупоминание прецедентного имени, то есть его использование в измененном виде (вместо *“Obama”* — *“Der Unterwasser-Obama”*). Компонент *“Unterwasser”* был использован потому, что главное действующее лицо — президент Мальдивской Республики М. Нашид — провел подводное заседание кабинета министров с целью привлечь внимание к проблеме охраны окружающей среды. В этой связи в тексте встречается еще одно прецедентное имя — Далай-лама:

Nasheed ist in den letzten Monaten zu einer Art Dalai Lama der Klimaschutzbewegung geworden. [Der Unterwasser-Obama. Spiegel, 44/2009] Здесь Далай-лама упоминается как символ популярности.

Если прецедентные феномены с источником прецедентности «политика» и «религия», как правило, являются универсально-прецедентными, то есть известны подавляющему большинству человеческого сообщества, то для понимания прецедентных феноменов из сферы «книги» и «телевидение» значительную роль играет принадлежность к тому или иному национальному лингвокультурному сообществу.

Так, персонажи книги «Приключения пчелки Майи», конечно, известны в Германии (автором книги является немецкий писатель В. Бонзельс), однако для представителей других лингвокультурных социумов «дешифровка» приведенного ниже прецедентного феномена может оказаться затрудненной:

Via YouTube ist er zur Kultfigur geworden, weil er spricht und aussieht wie die Figur Willi aus “Biene Maja”. [Berliner Casino. Spiegel, 45/2009]

Понимание этого образа, использованного для описания функционера партии СвДП Р. Ренчлера, облегчается тем фактом, что книга «Приключения пчелки Майи» была экранизирована, и в 1975 году в Японии был выпущен одноименный мультфильм, который был показан во многих странах (среди прочих — в ФРГ и России). Таким образом, у читателя сразу всплывает образ добродушного ленивого трутня Вилли, а по отношению к референту складывается образ некоего увальня, которого не стоит принимать всерьез (впрочем, он и еще раньше по тексту назван «придворным шутком»), так что употребление данного прецедентного феномена должно лишь укрепить уже

сложившееся у читателя мнение). В данном примере используется упоминание прецедентного имени в неизменном виде.

Ein wenig sehen sie aus wie das Komikergespänn Oliver Hardy und Stan Laurel, nur dass es zwischen ihnen um ernsthafte Dinge geht. [Heiteres Russland. Sp. 45/2009]

В этом примере опять использован феномен с источником прецедентности из сферы «кино». О. Харди и С. Лорел — пара актеров комического жанра, снявшаяся во многих фильмах и широко известная зрителю в Америке и Европе. В данной статье они упоминаются для создания экспрессии, более эмоционального изображения героев статьи, наглядного описания их внешнего вида («толстый» и «тонкий»).

В следующем примере в заголовке используется английское название фильма «Миссия невыполнима» (“Mission: Impossible”), однако слово «миссия» автор заменил на «мессия». Так журналист указал на несостоятельность героя — американского президента Б. Обамы — в его переговорах с премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху. Б. Обама, начавший свою политическую карьеру как идеальный политик-«мессия», примиряющий враждующие стороны и действующий в интересах человечества, оскорбил своим поведением Б. Нетаньяху, чем вызвал обострение отношений между Израилем и США:

Messias Impossible [Messias Impossible. Spiegel, 11/2010]

Прецедентные феномены со сферой-источником прецедентности «спорт» используются намного реже, ср.:

...seither hat dieser Reinhold Messner der europäischen Politik jeden EU-Gipfel genommen, mit Bravour wie 1991 bei der Aushandlung des Maastrichter Vertrags, als Juncker die Währungsunion vor einem britischen Veto rettete. [Ein Leben für eine Vision. Deutschland, 2/2006]

Имя известнейшего альпиниста Р. Месснера (в настоящее время также депутата Европарламента и общественного деятеля) уже давно стало легендой, символом покорения почти недостижимых вершин. И в приведенной выше статье премьер-министр Люксембурга Ж.-К. Юнкер сравнивается с Р. Месснером, поскольку Ж.-К. Юнкер «покорял любую вершину ЕС».

Нулевую ступень интертекстуальной маркировки характеризует ее полное отсутствие. С этой ступенью связаны такие типы

интертекстуальных отношений, которые могут носить со стороны автора данного текста как намеренный, так и непреднамеренный характер. Данная ступень маркировки не всегда или с большим трудом осознается читателем. Поэтому для данной ступени интертекстуальной маркировки не может быть выделено, по мнению Й. Хельбига, никаких конкретных приемов. Крайний случай проявления данной ступени представляет собой плагиат, наиболее часто встречающийся, по-видимому, в научных текстах, хотя его появление вряд ли может быть ограничено какими-либо жанровыми рамками.

К нулевой ступени интертекстуальной маркировки можно отнести ничем не маркированные аллюзии в регулярных текстовых позициях, которые не всегда могут быть обнаружены читателем. Прибегнем для иллюстрации данного положения к следующему примеру:

Und wenn Herr Brummer plötzlich stirbt? Ein schwarzes Herz hat Julius Maria. Eine goldene Plakette hängt an seinem bleichen, schwammigen Hals. Und wenn er plötzlich stirbt?

Ein Doppelgänger tut es, nicht ich, beileibe.

Keine Schuld, keine Sühne.

Diese Tat habe ich nicht begangen, Hohes Gericht. Diese Tat hat ein anderer begangen, der aussieht wie ich; er spricht wie ich; aber er ist böse, ich bin gut. Ihn muss man bestrafen, Hohes Gericht.

Ihn. Nicht mich. (Simmel. S. 175).

Аллюзией в данном отрывке текста выступает интертекстуальная ссылка на перевод романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», звучащий по-немецки как “*Schuld und Sühne*”, то есть в обратном переводе как «вина и раскаяние». Если для немецкого и читающего по-немецки русского читателя порог восприятия этой ссылки и может быть при соответствующем уровне образования преодолен, то для читателя (и переводчика) этого романа на других языках — эта информация вполне может быть утеряна. (А ведь автор этой детективной истории — необычайно популярный австрийский писатель и журналист, произведения которого переведены почти на сто языков мира!) Расшифровка данной аллюзии может быть осложнена еще и тем обстоятельством, что этот роман Ф. М. Достоевского относительно недавно вышел в новом переводе С. Гайер, произведшем на немецкую читательскую публику сильное впечатление, уже под иным более соответствующим оригиналу названием “*Verbrechen und Strafe*”. Если данная интертекстуальная ссылка в процессе перевода исчезнет, то до читателя не дойдет одна из основных мыслей произ-

ведения С. Зиммеля: глубокое раскаяние главного героя в задуманном, хотя и не совершенном им преступлении.

Проделанный анализ продемонстрировал продуктивность использования достижений из различных лингвистических областей в теории перевода, а также в прикладном переводоведении, лишней раз подтвердив продуктивность взаимодействия разных отраслей знаний.

Цитируемая литература

- Sprache und neue Medien / Hrsg. von W. Kallmeyer. Berlin; New York, 2000.
Dietrich R. Modalität im Deutschen: Zur Theorie der relativen Modalität. Opladen, 1992.
Berliner Zeitung. № 220. 20.–21.09.1997.
Simmel J. M. Affäre Nina B. Rowohlt Taschenbuch Vlg. Reinbek bei Hamburg. 1960.

Зеленщиков Александр Васильевич

Санкт-Петербургский государственный университет

ДИХОТОМИЯ МОДАЛЬНОСТЕЙ

Описание и анализ категории модальности занимают особое место в лингвистических исследованиях. Как известно, выделяются несколько типов модального значения: *алетическая* (логическая или метафизическая) модальность связана с понятиями «возможность» и «необходимость» в самом широком смысле; *деонтическая* модальность отражает то, что говорящий полагает разрешенным или обязательным в данной ситуации; *эпистемическая* модальность показывает, как говорящий относится к истинности своего высказывания; *динамическая* модальность связана с тем, что может или должно быть сделано в соответствующих обстоятельствах; *булетическая* модальность определяет возможное или необходимое с точки зрения желаний человека, и др. Ср.:

1. It must be raining (видя людей с мокрыми зонтами: эпистемическая модальность);
2. Visitors must leave by 6 pm (правило в учреждении: деонтическая модальность);

3. Jim can drive a horse (динамическая модальность);

4. You must go to bed in ten minutes (мама сыну: булетическая модальность);

5. To get home in time, you must take a taxi (совет: телеологическая модальность).

Однако наиболее важной дихотомией, определяющей категорию модальности как таковую, является дихотомия эпистемическая — корневая модальность (включающая деонтические, динамические и другие оттенки значения). Иными словами, контексты 2–5 объединяются в один — неэпистемический или «корневой» — тип модальности.

Традиционно, и вполне объяснимо, из многочисленных способов выражения модальных значений именно модальным глаголам, грамматический статус которых различен в разных языках (вспомогательные глаголы в английском, но главные, знаменательные глаголы, скажем, в немецком языке), уделяется гораздо больше внимания в лингвистике, чем другим модальным элементам в предложении.

Модальные глаголы способны выражать многие, если не все указанные типы модального значения. В литературе были предложены различные концепции, объясняющие способность одного и того же модального глагола употребляться в предложении, выражающем либо эпистемическое (*John must be in his room* = Я уверен, что он у себя в комнате), либо «корневое» (Я настаиваю, чтобы он был у себя в комнате) значение. Так, эпистемическая интерпретация предложения связывается с рассмотрением модального глагола как одноместного предиката, или как «поднимающего» глагола, или же как глагола, занимающего более «высокое» положение, чем VP в деривационной структуре предложения, то есть в составе флективной (Tense Phrase) или комплементативной (Complementizer Phrase) группах, тогда как корневой глагол, как полагают, оказывается двухместным предикатом, или контролирующим глаголом, или же помещается в состав VP предложения. Например, одним из оснований существования различий в положении модальных глаголов в предложениях, интерпретируемых как выражающих корневую и эпистемическую модальность, В. Бреннан¹ считает их поведение в предложениях с симметричными предикатами. Так, предложения “The governor shook hands with all the pris-

¹ Brennan V. Root and epistemic modal auxiliary verbs. PhD diss. UMass. Amherst: GLSA, 1993.